

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ А. ДУДАРЯ НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А. ПУШКИНА

Емельянова Александра Владимировна

студент, Институт журналистики БГУ, РБ, г. Минск

Локтевич Екатерина Вячеславовна

научный руководитель, старший преподаватель, Институт журналистики БГУ, РБ, г. Минск

Художественный перевод является одним из важнейших способов осмысления и функционирования литературного произведения в разных культурах. Традиционно переводной текст рассматривается как версия подлинника, которая занимает с ним равноправное место. Е.Д. Богатырева подчеркивает: недостаточное внимание науки о литературе к переводу обусловлено тем, что выработанные принципы его анализа долгое время не пересматривались, а с 50-х гг. XX в. «инициатива в изучении перевода перешла в рамки лингвистики» [1, с. 3]. Литературоведческий подход предполагает оценку перевода с точки зрения его эстетической эквивалентности оригиналу, определяет роль переводов в развитии духовной культуры, включает обращение к личности переводчика и рассмотрение его личностных качеств как художника слова. В сфере гуманитарных наук, считает Т.В. Ковалева, вопрос о творческой индивидуальности личности переводчика «до сих пор не получил однозначной оценки» [2, с. 2].

Плодотворное влияние хорошего перевода на литературный язык и культуру воспринимающей стороны-коммуниканта очевидно: благодаря переводной литературе происходит обогащение культурно-исторических традиций, развитие и обновление норм литературного языка, раскрытие новых возможностей художественного слова.

Основная задача переводчика – максимально точно передать содержание, индивидуальный стиль автора оригинального произведения. Однако перевод, как известно, «не может существовать без опосредованности переводческой интерпретацией» [1, с. 5]. По мнению Ю.А. Сорокина, при анализе перевода следует помнить, что «мы имеем дело не только с дву-язычным переводом, но с “дву-культурным”, интерпретативным переводом» [3, с. 4] (выделено автором. – А.Е.). При передаче переводного текста (коммуниката) личность переводчика оказывает значительное влияние как на частное воспринимающее сознание (читателя), так и на культуру, в дискурсе которой был осуществлен перевод. Качество перевода и его принятие в другой литературе напрямую зависят от уровня мастерства переводчика, его философско-эстетических взглядов, знания и понимания им менталитета страны, на языке которой создается художественный перевод.

Для рассмотрения влияния личности переводчика на перевод наиболее продуктивным будет обращение к хорошо изученным произведениям известных авторов. Поэтому наш исследовательский интерес связан с восприятием белорусскими переводчиками художественного наследия А. Пушкина, творчество которого всесторонне рассмотрено в разных областях научного знания.

Долгое время считалось, что перевод «Евгения Онегина», порученный А. Дударю, был утерян [4, с. 10]. Поэтому традиционно первым переводчиком романа считался А. Кулешов [4, с. 13]. Открытием и поводом для научного осмысления стала находка А. Северинец в марте 2017 г. рукописи полного перевода романа на белорусский язык, осуществленного А. Дударем. В связи с тем, что текст найден сравнительно недавно, отсутствуют аналитические работы,

посвященные этому художественному переводу.

Для рассмотрения влияния личности переводчика на перевод были проанализированы строфа XXXI главы III (письмо Татьяны к Онегину) и строфа XXXI главы IIX (письмо Онегина к Татьяне). В результате сравнительно-сопоставительного анализа выявлены синтаксические и стилистические особенности, связанные с индивидуальными взглядами переводчика и с авторской адаптацией ментальных установок русской нации к мировоззрению белорусского читателя, к уровню его образованности в первой половине XX в.

Татьяна Ларина – любимая героиня А. Пушкина. Для описания ее души автор использует эпитеты «неопытная» и «волнуемая», подчеркивая наивность и чувствительность главной героини: «Души неопытной волненья» [5, с. 51]. В первом случае переводчик опустил прилагательное «неопытная» и сместил акцент на «волнения» души, используя прием гиперболизации; А. Дударь запечатлевает чувство героини как стихийное бедствие: «Суняць душы маёй навалу» [6, с. 243] (*навала* – стихийное бедствие, беда [7]). В другом случае переводчик сохраняет эпитет и переводит словосочетание дословно: «Тугу усхвалёванай душы» [6, с. 244]. Очевидно, что видение А. Дударем и А. Пушкиным чувств Татьяны совпало: переводчик совершает дословный перевод, чтобы более точно передать состояние души Татьяны, сохраняя один из авторских эпитетов.

А. Пушкин наделяет свою героиню такими качествами, как готовность к самопожертвованию, способность к глубокому переживанию любви. Для Татьяны любить – значит жить для другого, отдавать себя, свое сердце: «Другой!.. Нет, никому на свете / Не отдала бы сердца я! / То в высшем суждено совете... / То воля неба: я твоя» [5, с. 52]. А. Дударь заменяет глагол «отдать» глаголом «открыть» (т.е. «впустить в свое сердце, открыть его для кого-то» [8]), меняя таким образом не только смысл стиха, но и важную деталь в характере героини (посредством семантической литоты устремление героини к полному отдаванию своего сердца заменяется высокой степенью ее доверия): «Другі!.. О не, нікому болей / Не адчыніла сэрца я! / То суджана вышэйшай волей, / то суд нябесны: я твая» [6, с. 243]. Такая переводческая неточность – также результат личного понимания А. Дударем образа Татьяны.

Одним из центральных образов в письме Татьяны к Онегину стал образ *молитвы*. Строки А. Пушкина «Ты говорил со мной в тиши, / Когда я бедным помогала / Или молитвой улаждала / Тоску волнуемой души?» [5, с. 53] А. Дударь перевел так: «Ты размаўляў са мной ў цішы, / Як бедным я дапамагала / Або малітвай суцішала / Тугу ўсхвалёванай душы?» [6, с. 243] В современных словарях слово «суцішаць» переводится как «утешать» [7], т.е. облегчать страдание, успокаивать [8, с. 765], а «улаж्даць» – делать приятным, тешить, доставлять удовольствие [8, с. 751]. В таком случае можно говорить о применении контекстуального антонимического перевода (радость / успокоение; отрада / утешение). Мы полагаем, что молитва для Татьяны не только и не столько всецелое успокоение, а улада, радость от общения с Богом в момент приятия тоски, которая воспринята героиней как неизбежность, предначертанность.

Отметим, что религиозно-философское начало активно используется в письме Татьяны: «То воля неба: я твоя» [5, с. 52]; «Я знаю, ты мне послан богом/ до гроба ты хранитель мой» [5, с. 52]; «Кто ты, мой ангел ли хранитель, / Или коварный искуситель: / Мои сомненья разреши» [5, с. 53]. А. Дударь осуществляет перевод этих строк следующим образом: «То суд нябесны: я твая» [6, с. 243]; «Я знаю, ты мне пасланы богам / да смерці ты ахоўнік мой» [6, с. 243]; «Хто ты: ці ангел, мне спагадны, / Ці мо спакуснік злы і здрадны? / Мае сумненні развяжы» [6, с. 244]. «Воля неба» в данном случае ассоциируется с предрешенностью и смирением, а «суд нябесны» – с роком и обреченностью, с судьбой. Возникает семантическое разногласие в оттенках перевода эмоционально-чувственной стороны слова.

Полемика автора и переводчика наблюдается при переводе других стихов: «Вообрази: я здесь одна, / Никто меня не понимает, / Рассудок мой изнемогает, И молча гибнуть я должна» [5, с. 53]. А. Дударь предлагает нам свое видение состояния Татьяны, что меняет смысл строк: «Вось уяві: ў самоце злой / Мяне ніхто не разумее. / Развага ўся мая марнее, / Я згіну ў тузе нямой» [6, с. 244]. Переводчик не только наделяет «одиночество» Татьяны эпитетом «злое», но и предлагает белорусскоязычному читателю иную трактовку состояния Татьяны – она находится в «немой тоске». А. Дударь указывает на пребывание героини в «злом

одинокости» возможно потому, что она не может никому открыть своих чувств к Евгению – она «одна» и «молча гибнет».

«Судьба» для Татьяны имеет смысловое сходство с «жизнью»: «Но так и быть! Судьбу мою / Отныне я тебе вручаю, / Перед тобою слезы лью, / Твоей защиты умоляю...» [5, с. 53]. Осуществляя по преимуществу буквальный перевод, А. Дударь все же стремится к адекватному художественному переводу. Это указывает на уникальный подход к интерпретации художественного мира, представленного в произведении-оригинале: «Ды так і быць! Вось лёс я свой / Табе адгэтуль даручаю, / Я слёзы лью перад табой, / Твайго ратунку я чакаю...» [6, с. 244]. Так, словосочетания «защиты умоляю» и «ратунку чакаю» имеют различное лексическое значение благодаря использованию А. Дударем литоты.

Оригинальность переводческой интерпретации просматривается также в адаптации фразеологизмов, сохранение которых не всегда представляется возможным. Это связано с тем, что смысл фразеологизма, переведенного дословно, может остаться непонятым для иноязычного читателя. В таком случае, считает К.И. Чуковский, допустимо использование фразеологизма-синонима, взятого из лингвистики страны, на язык которой переводится художественное произведение [9]. Так, стих «Я знаю: век уж мой измерен» [5, с. 140] А. Дударь переводит следующим образом: «Я знаю: *злічаны хвіліны*» [6, с. 331]. Возможно, белорусский переводчик посчитал, что фразеологизм «измерить век», соотносимый в русском языке с высоким стилем, будет труден для читательского восприятия и заменил его синонимичным словосочетанием «*посчитаны минуты*» (т.е. большая часть жизни позади). Кроме того, фразы со словами, не имеющими синонимов в белорусском языке, А. Дударь полностью трансформирует. Стихи «И, зарыдав у ваших ног / Излить мольбы, признанья. Пени» [5, с. 140] в белорусском переводе звучат так: «І, у слязах ля ваших ног / *Складаць жаданні, летуценні*» [6, с. 332].

В своем письме Онегин называет чувства девушки «искрой нежности», «привычкой милой»: «Случайно вас когда-то встретя, / В вас искру нежности заметя, / Я ей поверить не посмел: / Привычки милой не дал ходу» [5, с. 140]. Эти стихи указывают на несерьезное отношение Онегина к чувствам и признанию Татьяны. А. Дударь, в данном случае, соглашается с важностью смысла этих строк и осуществляет их буквальный перевод: «Выпадкам вас даўней пазнаўшы, / Пяшчоты искру ў вас спаткаўшы, / Я ей паверыць не пасмеў: / Не даў прывычцы мілай ходу» [6, с. 331].

Однако следует отметить, что некоторые замены А. Дударем слов из произведения-оригинала не всегда оправданы. Онегин пишет Татьяне: «Когда б вы знали, как ужасно / Томиться жаждою любви, / Пылать – и разумом всечасно / Смирять волнения в крови» [5, с. 140]. В переводе зафиксирована иная гамма чувств и побуждений героя: «Калі б вы зналі, як жахліва / *Кахання полымем пылаць, / Гібець – і розумам рупліва / Крыві кіпенне сунімаць*» [6, с. 332]. А. Пушкин показывает своего героя плененным страстью, что передается посредством слов «жажда», «пылать», «колени» и т.д. А *гібець* значит прозябать, мучиться [7]: с помощью этого слова А. Дударь указывает не на страстное томление героя, а на его страдание, муку, что вновь выявляет индивидуальное видение переводчиком художественного языка А. Пушкина.

Таким образом, с помощью сравнительно-сопоставительного анализа мы доказали, что личность переводчика оказывает непосредственное влияние на перевод, создавая во многом отличное от оригинала произведение. Трансформация образной сферы, стилистические сдвиги – результат воздействия личности переводчика на оригинальный текст. Диалог автора и переводчика приводит к интерпретации содержательной структуры художественного произведения. Из этого следует, что личность переводчика, его индивидуальная манера письма оказывают значительное влияние на перевод художественного произведения и требуют более детального изучения.

Список литературы:

1. Богатырева Е.Д. Художественный перевод как интерпретация (на материале французских переводов поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»): Автореф. дис. канд. филол. наук. –

Москва, 2007. – 30 с.

2. Ковалева Т.В. Художественный перевод и личность переводчика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110373/1/Ковалева%20Т.В.%20ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ%20ПЕРЕВОД%20И%20ЛИЧНОСТЬ%20ПЕРЕВОДЧИКА.pdf>. (дата обращения: 07.03.2018).

3. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогер-меневтические процедуры. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 160 с.

4. Кенько М.П. И даль свободного романа. – Минск.: Нар. Асвета, 1999. – 513 с.

5. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. – Мн.: Нар. Асвета, 1979. – 176 с.

6. Севярынец Г.К. Алесь Дудар. – Минск.: Беларусь, 2017. – 710 с.

7. Булыка А.М. Белорусско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-byelorussian/dictionary-byelorussian-russian.htm>. (дата обращения: 07.03.2018).

8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Высшая школа, 1993. – 944 с.

9. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. – М.: Азбука, 2008. – 448 с.